

УДК 947.084

**ДИСКУССИЯ ОБ УПРАВЛЕНИИ ЛЕСНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ
В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (1925-1927 гг.)**

© 2020 Е.В. Воейков

Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва. Пензенский филиал

Статья поступила в редакцию 12.03.2020

В статье исследуются аргументы участников дискуссии второй половины 1920-х гг. о рациональном ведении лесного хозяйства в СССР. Вопрос о том, кто должен быть основным губернским заготовителем – лесные тресты или лесзаги губернских лесных подотделов, активно дискуссировался на совещаниях при ВСНХ и на страницах специализированных журналов лесной промышленности. Прослежена реализованная на практике дальнейшая эволюция структур управления лесного хозяйства и лесной промышленности в СССР и России.

Ключевые слова: лесные тресты, лесзаги, лесное хозяйство.

DOI: 10.37313/2658-4816-2020-2-1-23-32

Россия на протяжении столетий искала свой путь ведения экономически эффективного и экологичного лесного хозяйства. В России XX столетия две мировые войны, революции, ускоренная промышленная модернизация, повторившийся дважды распад великой империи заслонили для значительной части общества проблемы лесного хозяйства. Унаследованный от предшествующих XVIII и XIX вв. потребительский подход к природным ресурсам, базирующийся на мнении о безграничности и неисчерпаемости их запасов, породил представление, что первое место в мире по запасам древесины и размерам лесной площади автоматически обеспечивает России успешную эксплуатацию своих лесных ресурсов. Вместе с тем еще в первые десятилетия Советской власти специалисты лесного хозяйства предостерегали против непродуманной политики в лесном вопросе.

В рамках данной статьи рассмотрена шедшая на протяжении нескольких лет в середине – второй половине 1920-х гг. дис-

куссия специалистов лесного дела о наиболее рациональных путях организации лесного хозяйства и функционирования лесной промышленности в условиях рыночной экономики нэпа. История лесного хозяйства периода нэпа слабо исследована в отечественной исторической науке. Имеются только отдельные работы с глубокой проработкой фактического материала на уровне отдельных регионов, которые написаны преимущественно не историками¹. В рамках разрабатываемой ею темы экологической истории Поволжья в последние годы работает самарский историк Е.Д. Макеева, которая наряду с другими аспектами в своих статьях рассматривает и историю лесов, преимущественно Среднего Поволжья в 1920-е гг.² Некоторые аспекты дискуссии о лесах 1920-х гг. были кратко охарактеризованы в изданной в 1990-е гг. работе В.Я. Колданова³.

Состояние лесов России в 1920-е гг. было неблагоприятным. В 1918-1921 гг. повсеместно имели место бессистемные рубки лесов близи населенных пунктов и железных дорог, крупномасштабные лесные пожары, прекращение мероприятий по лесовозобновлению, отсутствие точных

Воейков Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры «Менеджмент, информатика и общегуманитарные науки».
E-mail: evgenijvoejkov@yandex.ru

сведений о лесных массивах, перешедших в государственный лесной фонд от частных владельцев, сокращение количества служащих лесничеств. В годы нэпа финансирование лесного хозяйства осуществлялось по остаточному принципу, что в свою очередь вызвало массовый рост хищений леса местным населением, распространение насекомых-вредителей, недостаточный объем посевов и посадок леса. В сложившейся ситуации у государства не было четкой позиции в вопросах эксплуатации лесов. Государственная лесная политика выработалась в 1920-е – 1930-е гг. методом проб и ошибок. Одной из проблем, вставших перед государством России в 1920-е гг., стал вопрос о взаимоотношениях структур лесной промышленности и лесного хозяйства. Хронологические рамки стихийно возникшей дискуссии можно датировать 1925-1927 гг.

Нестабильный и склонный к кризисам характер рыночной экономики нэпа с постоянным дефицитом финансовых средств у предприятий и организаций обусловил повышенное внимание участников дискуссии к экономическим аспектам лесозаготовок. Автор статьи выражает уверенность, что подобная дискуссия, если бы она проходила в конце XX – начале XXI в., носила бы в большей степени экологический характер, то есть обсуждалось бы, не кто какие ассортименты сможет более эффективно заготавливать на лесосеках, как это произошло в 1920-е гг., а как лучше наладить систему охраны лесов и восстановления наиболее ценных лесных массивов.

Основными лесозаготовительными структурами СССР в годы нэпа были лесопромышленные тресты. Так, в лесной промышленности СССР уже к октябрю 1922 г. были созданы 14 лесных трестов, 15 губернских и два местных объединения⁴. Руководство лесной промышленностью в 1920-е гг. осуществляло Центральное управление лесной промышленности (ЦУЛП) со статусом главка ВСНХ.

Одновременно в период нэпа роль заготовителей дров и других лесных материалов для потребителей своей губернии или

республики взяли на себя лесные подотделы местных земельных отделов (управлений) в губерниях или лесные отделы наркоматов земледелия в автономных республиках, входивших в систему Наркомата земледелия РСФСР (Наркомзем или НКЗ). В соответствии с терминологией тех лет подобные лесозаготовки носили наименование «хозяйственных». Для удобства осуществления производственной деятельности в 1924 г. повсеместно при лесных отделах были образованы специальные структуры – лесзаги. В середине 1920-х гг. лесзаги Наркомзема превратились в крупнейших заготовителей дров и в ряде случаев – лесных материалов, оттеснив в своих губерниях и автономных республиках лесные тресты на второй план. В некоторых губерниях хозяйственные лесозаготовки в 1925/26 г. составляли: в Орловской – 100% годовой лесосеки, в Тульской – 87%, в Тамбовской – 82%, в Московской – 70%, во Владимирской – 55%, в Саратовской – 74%⁵.

Подобная активная деятельность лесзагов Наркомата земледелия не могла не вызвать протеста со стороны представителей лесопромышленных трестов, что и положило начало дискуссии. Главным и наиболее волнующим специалистов вопросом был следующий: кто должен являться главным губернским (рес-публиканским) заготовителем лесных материалов? Претендентов было два: лесная промышленность в виде лесных трестов и лесное хозяйство в форме гублесзагов лесных отделов системы Наркомата земледелия. Параллельно в ходе обсуждения главной проблемы выявился еще ряд серьезных недоработок системы лесозаготовок в СССР. Остро стоял вопрос выработки наиболее оптимальной системы распределения лесосек между организациями-лесозаготовителями. Обсуждалась также необходимость сокращения многочисленных лесозаготовителей, представленных помимо лесотрестов и лесзагов еще железными дорогами, трестами и отдельными предприятиями различных отраслей промышленности, военным ведомством,

местным населением. В рамках данной статьи рассмотрен аспект дискуссии по наиболее волновавшему ее участников принципиальному вопросу: кто должен быть хозяином в лесу – структуры лесной промышленности или лесного хозяйства?

В докладе «Состояние внутреннего лесного рынка, перспективы на 1926/27 г. и мероприятия по его удовлетворению и урегулированию», заслушанном на Совете трестов лесной и деревообрабатывающей промышленности ВСНХ летом 1926 г., констатировалось: «Для предотвращения срыва программы... в 26/27 году надлежит: 1) настаивать на безусловном плановом отводе лесосек с тем, чтобы в 26/27 году в первую очередь были закреплены лесосеки за лесотрестами по плану, разработанному ВСНХ СССР...»⁶. На третьем пленуме в марте 1927 г. в докладе «Снабжение лесной промышленности сырьем» по поводу борьбы лесных трестов с лесзагами еще более категорично заявлялось: «Домогательствам же Наркомзема, ныне так упорно проводимым, – перейти от системы отпуска леса на корню к отпуску леса в готовом виде, заготовленного аппаратом лесничества, должен быть положен конец. Все подобные попытки устранить органы лесной промышленности от заготовок в лесу тормозят ее развитие, мешают проведению его рационализации использования древесины, оборудования, производства и сбыта. Законодательные органы должны сказать, что леса промышленного значения должны разрабатываться самой лесной промышленностью»⁷.

Параллельно с обсуждениями на многочисленных совещаниях проблем лесозаготовок и ходатайствами лесопромышленных и лесохозяйственных структур в ВСНХ дискуссия была стихийно перенесена на страницы центральных лесных журналов.

На более экономичные заготовки губернских лесозаготовительных отделов лесных управлений по сравнению с лесными трестами неоднократно обращал внимание в своих статьях и активный сторонник хозяйственных заготовок С.Я. Лапиров-Скоб-

ло. По приводимым им данным, в Поволжье в Ульяновской губернии себестоимость бревен составила для «Ульяновсклеса» и лесзага соответственно 70–77 коп. и 47–49 коп.; себестоимость дров для «Пензолеса» и лесзага была 26 коп. и 10 коп.⁸ Сторонник лесной промышленности Я.С. Зенкис признавал более экономичную заготовку лесзагов. Но, возражая С. Я. Лапирову-Скобл и его сторонникам, Я.С. Зенкис отмечал: реализуя свою продукцию приблизительно по таким же ценам, как и лесные тресты, прибыль лесзаги по сути получают за счет потребителей, что противоречит принципам социалистической экономики: «Останавливаясь на прибылях лесзагов, навряд ли можно разделить восторги автора в отношении крупных достижений лесзагов. Поскольку выяснилось умение лесзагов использовать дешевле свой технический аппарат и рабочие руки... и создавать рыночный товар дешевле, чем у конкурентов, казалось бы, лесзаги, как госорганы, и должны были завоевывать свои позиции дешевизной поставляемой ими продукции и ограничивать свои прибыли здоровым минимумом (5-6% от оборота). В противном же случае прибыли лесзагов являются в 75% изъятием оборотных средств у промышленности и транспорта...»⁹. Обращает на себя внимание, что приведенный аргумент в свою очередь может вызвать вопросы. Например, насколько соответствовало принципам социализма менее эффективное и зачастую убыточное ведение работ лесопромышленными трестами, и не являлась ли их производственная деятельность также изъятием средств у других эффективно работающих организаций.

Возражения сторонников лесной промышленности вызывала и заметная ориентация лесзагов на заготовку дровяной древесины. Я.С. Зенкис обращал внимание на соотношение деловой и дровяной древесины в заготовках лесзагов по плану на 1926/27 г.: по мертвому лесу – 18% деловой и 82% дровяной, по растущему лесу – 53% деловой и 47% дровяной. «Эти цифры показывают, что лесзаги начали свою деятель-

ность явно нерационально, обращая всю древесину в дрова... Нормальное соотношение деловой и дровяной древесины из лесов Европейской части РСФСР может дать первой – 78% и второй – 22%...»¹⁰.

При анализе приводимых Я.С. Зенкисом данных о соотношении делового и дровяного леса следует принять во внимание, что лесзаги, как показано далее, часто вели работы в лесных массивах с недостаточно качественным составом насаждений. Приводимые лесзагами рубки ухода и санитарные рубки в принципе предполагали уборку из лесных массивов мертвых и больных насаждений, получить из которых качественную деловую древесину было достаточно проблематично.

С другой стороны, серьезным аргументом сторонников передачи функций лесозаготовок органам Наркомзема стал вопрос о соблюдении правил лесного хозяйства. Профессор Г. Р. Эйтинген подчеркивал: «... самая рубка, валка, заготовка и вывозка древесины с лесосек требует соблюдения целого ряда технических и лесоводственных приемов, без которых лесосеки зарастают не древесными породами, а травянистыми растениями, вследствие чего задерневает почва и места рубок делаются очагом распространения вредных насекомых, паразитных грибов и пожаров. Отсутствие лесохозяйственной точки зрения заметно сказалось на деятельности в лесах наших лесозаготовительных организаций – неполное использование лесосек, несвоевременная вывозка заготовленных материалов и пр. ... По свидетельству лесничего Архангельской губернии, «впечатление от этой рубки, как лесного хозяина таково: нагрязнули порубщики, вырубил наспех, что получше и поближе к сплавной реке, и увезли, благо, что никто не видел и не составил протокола»¹¹. В своей монографии Г.Р. Эйтинген приводил следующие данные: «...в пределах отведенных площадей лесозаготовительные организации не используют их целиком, а выбирают на лесосечных площадях наиболее ценные породы, а из

этих последних – самые лучшие и толстые деревья, причем остаются на корне деревья среднего и низшего качества. Большой и поврежденный фаутный лес не затрагивается рубкой совершенно. Срубленные деревья, оказавшиеся маломерными, вершины деревьев и пр., оставляются на местах рубок небубранными. Все это не только нарушает элементарные интересы лесного хозяйства – по сообщению губ. РКИ «места рубок лесозаготовительных организаций являются очагом распространения вредных животных и паразитных грибов и пожаров» (Брянская губерния) и «возбуждают местное население против заготовительных органов» (Московская губерния). Архангельская РКИ сообщает, что «заготовка Северолесом ведется так варварски, как не велась ни при одном контрагенте со времен Рюрика. Дороги заваливаются, лес захламляется не только вершинником, но и свежесрубленными фаутными и здоровыми бревнами»... Даже заготовленные лесные материалы используются неполно – оставляются зачастую на произвол судьбы и теряют до 75% своей технической ценности, как это имеет место и зафиксировано в центральных губерниях – Владимирской, Московской и др.»¹².

В докладе Чувашского лесного отдела приводились примеры нарушений правил рубки на лесосеках «Чувашлестреста» и показывались преимущества работ лесзага: «Ведь мы вырубам ежегодно 7149 гектар, а культур в среднем за последние три года производим на 567 гектар, так как госбюджет выделяет на это дело малую сумму... Следовательно, мы должны позаботиться о том, чтобы вырубамые нами лесосеки возобновлялись сами, а для этого нужно следить, чтобы меньше повредить имеющийся самосев при рубке, быстро убрать вырубленное и очистить лесосеку... Кто же заинтересован в этом возобновлении, кому после рубки лесосеки придется возиться с лесом, производить при отсутствии возобновления культуры, несколько раз пополнять эти культуры, если первая не удастся, отвечать за санитарное состояние лесосеки? Госор-

ган промышленности заинтересован лишь в том, чтобы использовать древесину, с минимальными затратами вырубить его, что будет с лесосекой дальше, его об этом никто не спрашивает: поэтому, если ему это выгодно, он постарается продержат лес на лесосеке возможно дольше, он не гонится за качеством, а за дешевизной очистки. Это, повторяем, не вследствие злой воли госоргана, а в силу его стремления к минимальности затрат»¹⁵.

В связи с нарушениями правил заготовки леса находился и вопрос об охране лесных насаждений от незаконных порубок. В 1920-е гг. серьезной проблемой лесного хозяйства стали массовые хищения леса местными жителями. Например, в Самарской губернии в уникальном лесном массиве Бузулукского Бора «самовольные порубки достигли небывалых размеров; бывали случаи, что небольшие дачи, как, например, Романовская сборная, площадью 700 десятин, Белогорская, площадью около 300 десятин, сводились полностью»¹⁴. Лесничий Лаишевского лесничества Татарской АССР на съезде в Казани (август 1925 г.) заявил, что в его лесничестве самовольная порубка составляет 40% всей годичной лесосеки, и, несмотря на все усилия лесной стражи, сократить размер хищений не удастся¹⁵. Основной причиной массового распространения самовольных порубок в 1920-е гг. обычно назывался недостаток лесоматериалов в крестьянских хозяйствах¹⁶. С.Я. Лапиров-Скобло подчеркивал: «Хозяйственные разработки чрезвычайно облегчают также охрану леса, естественно ограничивая поводы для входа в лес с орудиями для всех, кроме рабочих, производящих разработки под руководством лесной администрации на точно определенных участках... Охранять же лес, когда в лесу бесчисленное множество хозяев, задача весьма сложная»¹⁷.

Альтернативную точку зрения по вопросу охраны леса высказал ученый лесовод из Владимира, который в своей статье обратил внимание на перегруженность канцелярской работой специалистов лесного

хозяйства в лесничествах. В этих условиях, по мнению данного специалиста, работа лесзагов в сколько-нибудь заметных размерах неизбежно должна была идти в ущерб решению основных задач органов лесного хозяйства по охране, благоустройству и восстановлению лесов¹⁸.

Еще одним важным аргументом в пользу приоритета лесохозяйственных структур стал вопрос о разработке экономически невыгодных лесосек. По данным НКЗ РСФСР, в 1924/25 г. рубки лесосеки главного пользования лесзагов составили 51%, разработка гарей, короедника и мертвого леса – 33%¹⁹. С.Я. Лапиров-Скобло писал: «Хоззаготовки преследуют... улучшение санитарного состояния леса. В то время как лесозаготовительные организации упорно отказываются от разработки горельников, сухостоя, фаута, валежа, – лесничие при малейшей возможности заменяют сырораствующий лес вышеуказанной древесиной...»²⁰. Другой автор высказывал аналогичную мысль: «...едва ли предприятие согласится брать весь валеж, прочий мертвый лес, хворост и пр. и платить за него деньги, когда ему эти материалы, может быть, совершенно не нужны»²¹.

Следует отметить, что высказанные специалистами соображения о незаменимости лесзагов в деле заготовки мертвого леса подтверждают материалы по отдельным регионам страны. В докладе о лесном хозяйстве Чувашской АССР подчеркивалось: «Лесзаг заготавливает материалы в таких лесничествах, куда и нога лестреста не ступала и куда не загонишь заинтересованную в прибыльной заготовке организацию... 66% разработок лесзага составляют перестойные, короедные деревья и горелый лес, от чего отказываются другие организации...»²². В годовом отчете Ульяновского гублесзага за 1926/27 г. отмечалось: «...отпущенные лесосеки в массе представляли из себя буревал, разбросанный на громадных площадях, заваленный снегом и затрудняющий разработки»²³.

С.Я. Лапиров-Скобло выразил одну из точек зрения на решение проблемы взаи-

модействия лесной промышленности и лесного хозяйства: «Должны ли мы в заготовках слиться с лесной промышленностью? Нет, товарищи, не сливаться мы должны, а необходимо провести грань между лесным хозяйством и лесной промышленностью, необходимо точно установить, что называется лесной промышленностью и что – лесным хозяйством. Нужно сказать, что задача лесной промышленности заключается только в обработке и переработке древесины, и что производство рубки не самим лесным хозяином (лесничим), а лесными трестами является недостатком существующего строя лесного хозяйства. Поскольку это так, то нашей задачей является дальнейшее развитие хоззаготовок и постепенный переход, по мере возможности, к отпуску леса в готовом виде...»²⁴. По мысли Я. Н. Седашева, лесное хозяйство должно заниматься помимо лесоустройства и лесоохраны разработкой древесины в первичные сортименты: бревна, кряжи, шпалы, колотая клепка. В свою очередь лесная промышленность должна сосредоточить усилия на переработке первичных сортиментов в полуфабрикаты и фабрикаты: «доски, фанера, пиленая клепка, мочало, уголь, древесная масса, целлюлоза... и разные изделия из дерева»²⁵.

В качестве другого компромиссного варианта решения проблемы конкуренции лесзагов и лесных трестов участниками дискуссии были предложены различные варианты раздела сфер влияния путем выделения каждой организации специальных районов лесозаготовок и закрепления выделенных лесосек на длительный срок. Такого подхода придерживался, в частности, инженер В. Елухен, специализировавшийся на вопросах лесного хозяйства и являвшийся автором аналитических статей в центральных лесных журналах²⁶.

Данное предложение было в целом поддержано сторонниками лесной промышленности, подразумевавшими, что подавляющая часть лесных массивов будет передана в многолетнее пользование лесопромышленным трестам. Руководитель лесной секции Госпла-

на В. Майер писал: «Несмотря на отсутствие широкого опыта, мы считаем доказанным, что только путем плановой приписки лесных дач для долгосрочной их эксплуатации будет внесена та предпосылка, которая обеспечит возможность планомерного и систематического развития лесной промышленности...»²⁷. В протоколе собрания уполномоченных членов Совета трестов лесной промышленности от 25-27 марта 1927 г. в резолюции по докладу А.А. Апушкина «О снабжении лесной промышленности сырьем» указывалось: «5. Разграничение лесных массивов между основными заготовительными органами должно быть произведено на принципе экономического тяготения и устранения конкуренции между ними... 8. Дальнейшая работа лесной промышленности в области лесозаготовок в конечном счете должна принять на себя все лесные заготовки с тем, чтобы весь лесопромышленный процесс, начиная от лесозаготовки и кончая механической и химической переработкой древесины, сосредоточился в органах лесной промышленности и тем дать лесному хозяйству осуществлять свои непосредственные задачи выращивания, улучшения и охраны лесов»²⁸.

Но у сторонников приоритета лесохозяйственных структур нашлись существенные возражения против варианта многолетней приписки лесосек: «...на приписку лесных дач претендует не только лесная промышленность, но также текстильные, металлургические, силикатные, кожевенные, горные, строительные и прочие тресты, железные дороги, госпароходство, комхозы, кооперация и пр. Одним словом, всякий, кому только нужна древесина в том или ином виде, желает, чтобы приписали ему ту или иную лесную дачу, тот или иной лесной массив... Предположим теперь, что все наши промышленные и транспортные предприятия получают путем приписки известные лесные массивы. Несомненно, НКПС будет вырабатывать в них максимальное количество шпал и для этой цели не постесняется пустить в шпалы высокосортную деловую древесину; со своей стороны, Бумтрест деловую ель и осину будет

обращать по преимуществу в папиргольц, а предприятия, нуждающиеся в дровах, по примеру Уральских трестов, сочтут своим долгом заготовить побольше дров, а посему ждать от них ольховых и березовых кряжей и чураков не приходится... Где же тут плановость? Нагрузить предприятие, наряду с нужными сортами, – и ненужными – тут плановостью и не пахнет»²⁹.

Автор статьи, подписавшийся как «В.Ч.», в журнале «Лесопромышленное дело» обратил внимание на тот факт, что в постановлении ЭКОСО РСФСР от 1 октября 1925 года хозяйственные лесозаготовки должны были проводиться «в порядке ухода за лесом» и «в целях лесокультурных». С коммерческой целью хоззаготовки могли проводиться только в районах с неполным сбытом древесины. Между тем, отмечал автор, хоззаготовки уже переросли рамки этой нормативной базы и «вместо того, чтобы ориентироваться на план лесокультурной работы, ориентируются исключительно на рынок». По мнению данного специалиста, основной задачей работников лесного хозяйства должно было стать именно проведение лесокультурных мероприятий по восстановлению лесных массивов и уходу за лесом. Хозяйственные заготовки в данном случае служат отвлекающим фактором: «Хоззаготовки иногда выставляют как необходимое условие для проведения в жизнь основных элементов лесной политики (сохранение постоянства пользования, удовлетворение промышленности и населения древесиной, полное извлечение всех видов дохода). А разве инструктирование и надзор за лесотрестами и самозаготовителями не способствует проведению лесной политики? Лесокультурные работники должны наблюдать за выполнением принципов лесной политики, а не быть ее единственными исполнителями. Ведь на этом же основании участковые агрономы потребовали бы передачи им для обработки земли совхозов и выращивания в них необходимых с.-х. продуктов! Кто как будто бы, лучше агронома поведет хозяйство в совхозе? Но ведь агрономы являются наблюдающими за

проведением с.-х. политики; это своего рода контролирующий аппарат. Но то, что сказано об агрономах, в гораздо большей степени относится к лесничим»³⁰.

Следует отметить, что позиция данного автора в тот момент не вызвала поддержки ни сторонников лесной промышленности, ни сторонников лесного хозяйства. Близок к рассмотренной позиции оказался только ученый лесовод Н.А. Новицкий из Владимира, который также считал, что «хозяйственные лесозаготовки – не дело настоящего момента», основные усилия работников лесничеств должны быть направлены «на восстановление и охрану вынужденно тяжелые испытания леса»³¹. Статья автора с инициалами «В.Ч.» осталась незамеченной в общем массиве дискуссионных публикаций по рассматриваемому вопросу. Между тем именно предложенный вариант, как показало последующее развитие российского лесного хозяйства, оказался наиболее близок к реализованному в СССР варианту с введением в 1936 г. управлений лесоохраны и лесонасаждений.

Дискуссия о рациональном лесном хозяйстве второй половины 1920-х гг. осталась незавершенной. Представляется, что и сама дискуссия по подобной проблеме стала в принципе возможной только в условиях временного устранения в годы нэпа государства из многих секторов экономики. После 1928 г. на страницах центральных журналов ничего подобного статьям 1925–1927 гг. с альтернативными точками зрения на государственную политику в лесном вопросе не наблюдалось. Время дискуссий прошло, наступил период форсированной индустриализации как безоговорочной реализации решений партии и правительства.

Заметно, что сильный отпечаток на дискуссию и аргументы сторон наложили экономические интересы лесопромышленных трестов и лесзагов губернских лесных отделов управлений земледелия в вопросе распределения лесосек. Далеко не все участники спора о рациональном лесном хозяйстве сумели подняться выше своих местечковых устремлений («и все сводилось к одному, от-

дайте мне, а не ему») и попытаться осмыслить судьбы лесов России с точки зрения общегосударственных и общечеловеческих интересов.

На практике руководство страны, как и следовало ожидать в условиях начавшейся индустриализации, встало на сторону лесной промышленности. В 1929-1930 гг. леса заги Наркомата земледелия, являвшиеся основными конкурентами лесопромышленных трестов, были повсеместно ликвидированы. Основными лесозаготовителями стали лесные тресты ВСНХ. Крупная реформа лесного хозяйства прошла в 1931 г., когда постановлением СНК СССР от 31 июля все лесные массивы страны разделили на две зоны: лесопромышленного и лесокультурного значения. Леса лесопромышленной зоны перешли в ведение ВСНХ; леса лесокультурной зоны – Наркомата земледелия СССР.

Формально разделение лесов на две группы создавало баланс между интересами лесной промышленности и лесного хозяйства. Но, как показал опыт лесозаготовок первой половины 1930-х гг., деятельность лесохозяйственных трестов Наркомзема в Татарской АССР и Средне-Волжском крае на практике мало чем отличалась от структур лесной промышленности: рубки велись с многочисленными нарушениями правил лесного хозяйства и мероприятия по лесовозобновлению намного отставали от реальной потребности и плановых заданий³².

Более оптимальный вариант, близкий к сложившейся во второй половине XX в. системе управления лесным хозяйством, был реализован во второй половине 1930-х гг. созданием Главного управления лесоохранны и лесонасаждений с соответствующими территориальными управлениями в областях, краях и автономных республиках СССР. Главлесохрана и ее территориальные управления должны были проводить все лесокультурные и лесовосстановительные мероприятия в пределах образованной обширной водоохранной зоны, куда включались «все лесные массивы, расположенные

в бассейнах рек Волги, Дона, Днепра, Урала и верхнего течения Западной Двины со всеми их притоками»³³. В границах водоохранной зоны вводились запретная и эксплуатационная части: в запретной разрешались только рубки ухода за лесом и санитарные рубки, в эксплуатационной – рубки ухода и рубки главного пользования, но в объемах «не свыше годовичного среднего прироста» (Ст. 4, 5). В запретной зоне рубку леса осуществляли только управления лесоохраны, в эксплуатационной – лесоохранные вместе с другими лесозаготовителями при строгом контроле соблюдения правил заготовки. В результате экологическое состояние лесов водоохранной зоны в течение нескольких лет заметно улучшилось.

В 1947 г. на базе Главлесоохранны было образовано Министерство лесного хозяйства при Совнаркоме СССР. Но в 1953 г. оно было ликвидировано, и лесное хозяйство передали в подчинение Министерству сельского хозяйства и заготовок СССР. В дальнейшем специальный орган управления лесным хозяйством на общесоюзном уровне и в рамках РСФСР то находился в составе Министерств лесной промышленности или природных ресурсов, то выделялся в отдельную структуру с правами министерства³⁴. Современный исследователь лесного законодательства отмечает, что «с 1917 г. органы лесного хозяйства в России реформировали 30 раз, тогда как с середины XVIII в. до 1917 г. (за 150 лет) – только 7 раз». При этом «с 1998 по 2010 г., т. е. за 12 лет, специальный орган управления лесным хозяйством России подвергся крупным реформам 8 раз, тем самым побит рекорд шестидесятилетней давности. И это без учета тех реформ, которые касались разграничения полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами в области лесных отношений»³⁵.

Многие проблемы лесного хозяйства 1920-х гг. продолжают существовать в современной России. Исследователи констатируют наличие серьезных проблем в лесной промышленности: «Из одного кубического метра древесины в России вырабатывается в

2-3 раза меньше продукции, чем в развитых странах мира»³⁶. Не лучше ситуация и с лесным хозяйством, что подтверждают случаи крупномасштабных лесных пожаров 2010 г. и последующих годов, массовые хищения леса. Президент РФ В.В. Путин на заседании президиума Госсовета в Улан-Удэ в апреле 2013 г. подверг критике работу Федерального агентства лесного хозяйства (Рослесхоз) и подчеркнул: «Огромный экономический потенциал лесного сектора не реализован... Отрасль в целом находится в критическом состоянии». Мнение Президента подтверждается специалистами, считающими состояние лесного хозяйства России далеким от благополучия³⁷.

Можно согласиться с высказанным мнением специалиста по экологическому праву юриста А.Ю. Пуряевой: «России, обладающей многолетним опытом лесного управления, нужно определить, какой орган, с какими полномочиями управляет ее лесными ресурсами, и в целях сбережения этих ресурсов и стабилизации лесных отношений больше не подвергать его реформированию»³⁸. Исторический опыт нэпа и последующих исторических периодов необходимо использовать для выработки основ перспективного направления развития политики государства в сфере развития лесного хозяйства страны в целом и органов управления лесным хозяйством в частности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Пуряева А.Ю.* Лес как общенародное достояние в России с 1917 г. – до вступления в силу Лесного кодекса РСФСР 1923 г. // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 1 (21). С. 217–221; *Тихонов П.Т.* Лесное хозяйство Чувашии в XX веке. Исторический опыт и уроки развития. Чебоксары: Чувашский государственный университет гуманитарных наук, 2001.

² *Макеева Е.Д.* Становление системы государственного управления охраной природы в России в 1917-1920-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 1. С. 34-39.

³ *Колданов В.Я.* Очерки истории советского лес-

ного хозяйства. М.: Экология, 1992. С. 71-73.

⁴ Лесопромышленное дело. 1922. № 5-6. С. 26-27.

⁵ *Лапиров-Скобло С.Я.* Три этапа в развитии лесозаготовок Наркомзема РСФСР // Лесное хозяйство, лесопромышленность и топливо. 1927. № 2-3. С. 23-24.

⁶ Государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Пензенской области» (далее – ГБУ ГАПО). Ф. Р. 3. Оп. 1. Д. 234. Л. 14.

⁷ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 3. Оп. 1. Д. 450. Л. 87.

⁸ *Лапиров-Скобло С.Я.* Три этапа в развитии лесозаготовок Наркомзема РСФСР // Лесное хозяйство, лесопромышленность и топливо. 1927. № 2-3. С. 24.

⁹ *Зенкис Я.С.* О рациональной эксплуатации лесов // Лесопромышленное дело. 1926. № 12. С. 9.

¹⁰ Там же. С. 8-9.

¹¹ *Эйтинген Г.Р.* Хозяйственные лесоразработки и работа лесничеств // Хозяйственные лесоразработки Народного комиссариата земледелия РСФСР. М.: Изд-во НКЗ. Управление лесами, 1925. С. 63.

¹² *Эйтинген Г.Р.* Очередные нужды лесного хозяйства. М.: Изд-во НК РКИ, 1925. С. 15.

¹³ Бюджетное учреждение «Государственный исторический архив Чувашской Республики» (далее – БУ ГИАЧР). Ф. Р. 222. Оп. 1. Д. 285. Л. 446-447.

¹⁴ Материалы по районированию и организации Средне-Волжской области. Вып. 1. Самарский, Бугурусланский, Бузулукский и Пугачевский округа. Самара, 1925. С. 257-258.

¹⁵ Лесопромышленное дело. 1925. № 9. С. 40.

¹⁶ См.: *Дроздовский Е.* Лесные хищения и борьба с ними // Лесное хозяйство, лесопромышленность и топливо. 1924. № 1. С. 46; *Носов М.* Еще о мерах борьбы с лесными хищениями // Лесное хозяйство, лесопромышленность и топливо. 1924. № 2-3. С. 92.

¹⁷ *Лапиров-Скобло С.Я.* Хозяйственные лесоразработки и лесная промышленность // Хозяйственные лесоразработки Народного комиссариата земледелия РСФСР. М.: Изд-во НКЗ. Управление лесами, 1925. С. 24-25.

¹⁸ *Новицкий Н.А.* Лесзаги и лесное хозяйство // Лесопромышленное дело. 1926. № 11. С. 8.

¹⁹ *Лапиров-Скобло С.Я.* Пути и достижения хозяйственных лесоразработок Наркомзема // Лесное хозяйство, лесопромышленность и топливо. 1925. № 11-12. С. 15.

²⁰ *Лапиров-Скобло С.Я.* Хозяйственные лесоразработки и лесная промышленность // Хозяйственные лесоразработки Народного комиссариата земледелия РСФСР. М.: Изд-во НКЗ. Управление лесами, 1925. С. 25.

- ²¹ Седашев Я.Н. О плановом распределении древесины // Лесное хозяйство, лесопромышленность и топливо. 1927. № 8-9. С. 5.
- ²² БУ ГИАЧР. Ф. Р. 222. Оп. 1. Д. 285. Л. 447об.-448.
- ²³ Областное государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Ульяновской области» (ОГБУ ГАУО). Ф. Р. 336. Оп. 64. Д. 4. Л. 1-1об.
- ²⁴ Лапиров-Скобло С.Я. Пути и достижения хозяйственных лесоразработок Наркомзема // Лесное хозяйство, лесопромышленность и топливо. 1925. № 11-12. С. 17.
- ²⁵ Седашев Я.Н. О плановом распределении древесины // Лесное хозяйство, лесопромышленность и топливо. 1927. № 8-9. С. 2.
- ²⁶ Елухен В. К обеспечению лесной промышленности лесосеками // Лесопромышленное дело. 1926. № 10. С. 6-7.
- ²⁷ Майер В. Проблема обеспечения лесной промышленности сырьем и задачи текущего момента // Лесное хозяйство, лесопромышленность и топливо. 1926. № 12. С. 3.
- ²⁸ ГБУ ГАПО. Ф. Р. 3. Оп. 1. Д. 450. Л. 52.
- ²⁹ Седашев Я.Н. О плановом распределении древесины // Лесное хозяйство, лесопромышленность и топливо. 1927. № 8-9. С. 3-5.
- ³⁰ Что можно и что нужно? (к вопросу о хозраз-
работках) // Лесопромышленное дело. 1926. № 1. С. 8.
- ³¹ Новицкий Н.А. Лесзаги и лесное хозяйство // Лесопромышленное дело. 1926. № 11. С. 9.
- ³² Подробнее см.: Воейков Е.В. Экологические проблемы Среднего Поволжья в годы первых пятилеток // Отечественная история. 2007. № 5. С. 146-149.
- ³³ Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР (СЗ СССР). 1936. № 35. Ст. 311.
- ³⁴ Двухсотлетие учреждения лесного департамента. 1798-1998. Т. 2 (1898-1998). М.: ВНИИЦЛесресурс, 1998. С. 232-233; Колданов В.Я. Очерки истории советского лесного хозяйства. М.: Экология, 1992. С. 175-183.
- ³⁵ Пуряева А.Ю. История специальных органов управления лесами от Российской империи до Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2013. № 3 (90). С. 170.
- ³⁶ Редько Г.И., Редько Н.Г. История лесного хозяйства России. М.: Московский государственный университет леса, 2002. С. 417.
- ³⁷ Что происходит в лесном хозяйстве страны? // Российская Федерация сегодня. 2016. № 10. С. 34.
- ³⁸ Пуряева А.Ю. История специальных органов управления лесами... С. 170.

DISCUSSION ON FOREST MANAGEMENT IN THE PERIOD OF THE NEW ECONOMIC POLICY (1925-1927)

© 2020 E.V. Voyeikov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow. Penza branch

The author examines the arguments of the participants in the discussion of the second half of the 1920s about the rational management of forestry in the USSR. The question of who should be the main provincial logger – forest trusts or logging units of provincial forestry sub-departments, – was actively discussed at meetings of the Supreme Economic Council and on the pages of specialized journals of the forest industry. The author also traces the further evolution of management structures of forestry and forest industry in the USSR and Russia.

Keywords: forest trusts, logging, forestry.

DOI: 10.37313/2658-4816-2020-2-1-23-32